

ДЕПУТАТЫ ВСЕРОССИЙСКОГО УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ: ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Л.Г. ПРОТАСОВ

*Тамбовский государственный университет
им. Г.Р.Державина*

e-mail: lev_pro@mail.ru

Выявлен этнонациональный состав Учредительного собрания, что позволяет уточнить карту «политической географии» России 1917 г. В него вошли представители свыше 30 народов. Выборы показали двойственность национального сознания, асинхронность развития народов России, разный уровень их консолидированности. Революция в полиэтничной стране привела к столкновению националистического и правового начал, к распаду ее на отдельные государства и территории.

Ключевые слова: Учредительное собрание, депутаты, выборы, национальное сознание, революция, полиэтничное государство

Имперская Россия походила на дремлющий вулкан, где самодержавная власть своей прагматичной этнопатерналистской политикой до поры до времени гасила вырвавшиеся на поверхность вспышки национального недовольства. Однако общий кризис имперской идеологии, мировая война, в которой друг другу противостояли многонациональные империи, намеренно разжигавшие межэтнические противоречия в стане противника, и сама революция 1917 г. неизбежно обострили в стране национальный вопрос.

Для России он осложнялся и геополитически: ее территория являла собой гигантскую контактную зону цивилизаций, конгломерат ста с лишним народов, различавшихся не только уровнем экономического, правового и культурного развития, но и его разнонаправленностью. В этих условиях вестернизация не могла стать универсальным способом решения проблем, поскольку значительная часть населения тяготела к социокультурным ценностям восточного мира. Национальные окраины таили в себе потенциальную угрозу развала империи, которая при ослаблении центральной власти и в связи с практической осуществимостью национального самоопределения стала реальностью.

Революция 1917 г. была не только политической, но и национальной, для нее характерны подъем самосознания входивших в состав империи народов, оформление национальных партий, рост автономистских, федералистских и сепаратистских тенденций, территориальный партикуляризм и пр. Судьбы Всероссийского Учредительного собрания (ВУС) и национального вопроса событийно оказались связаны воедино, и этим звеном было определение будущего государственного устройства России.

В выборах ВУС участвовала 31 национальная партия. По данным Всероссийской избирательной комиссии, в гражданских избирательных округах были заявлены 134 национальных социал-демократа, 31 национальный эсер, 160 национальных трудовиков, 385 национальных демократов¹. Национальные списки собрали около 10% общего числа голосов. Выявление этнонационального состава депутатского корпуса позволяет уточнить карту «политической географии» России 1917 г., баланс политического и этнокультурного компонентов революции.

Поскольку в дореволюционной России графы «национальность» в официальных документах не было (заменял пункт о вероисповедании), национальность депутатов определялась мною по совокупности признаков (фамилия, имя, отчество, место рождения и жительства, вероисповедание и пр.). В данном случае неизбежны некоторые погрешности, особенно в различении русских, украинцев и белорусов.

ВУС отвечало своему общероссийскому статусу и в национальном аспекте. В него вошли представители свыше 30 народов, в т.ч. 372 великоросса, 138 украинцев, 81 еврей, 18 казахов, 16 армян, по 15 белорусов и латышей, 14 поляков, 12 грузин, по 11 азербайджанцев и башкир, 10 татар, 9 эстонцев, 8 узбеков, 6 немцев, по 5 чувашей и молдаван и т.д. Соплеменников имели в нем и такие малые народности как вепсы, коми, карелы, мордва, якуты, лезгины, курды, осетины.

¹ ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 54. Л. 11-13.

Пропорциональная избирательная система обеспечивала симметричное национальное представительство, давая шанс и малым этносам, правда, при условии их компактного размещения. С этой целью все полиэтничное Закавказье (около 3,5 млн. избирателей) было соединено в один округ, чтобы при дисперсном расселении населения дать равные возможности всем народам, проживавшим на его территории. С другой стороны, в отдельные округа были выделены кочевые калмыки Прикаспия и казахи Буковинской орды, входившей в Астраханскую губернию.

Конечно, принцип избирательной симметрии неизбежно нарушался действием неблагоприятных факторов (оккупация западных губерний, незавершенность выборов на окраинах и пр.). Но закономерно, что оба крупнейших восточнославянских народа – русские (великороссы) и украинцы (малороссы) представлены в ВУС числом депутатов, отвечавшим их удельному весу в общей структуре населения: великороссы – около 48% депутатов (по переписи 1897 г. – 47,8% населения), украинцы – 18% (по той же переписи – 19%).

Показательно, что не менее трехсот депутатов-русских (до 80%) прошли от великорусских губерний, остальные – от инонациональных территорий и от фронтов. Русские были доминирующей этнической группой и притом единственной, которая на выборах не выдвинула национальных списков общероссийского характера. Длительное сосуществование в рамках могущественной империи не сформировало у титульной нации негативного отношения к другим народам страны. В нем не было ярко выраженного «образа врага». Примечательно, что в обстановке войны с Германией русские немцы, которых насчитывалось до 2 млн.², имели возможность выставить своих кандидатов в 9 избирательных округах. При этом не отмечено случаев открытой антинемецкой агитации или ущемления их прав.

Впрочем, говорить о русском национальном самосознании в смысле, присущем гражданскому обществу, тоже не приходится – лишь в отдельных округах были выдвинуты кандидатские списки, напоминавшие национальные или с претензией на то. Однако они не могли конкурировать с общероссийскими и национальными партиями, полностью завладевшими политическим пространством 1917 г. По сути, единственным непартийным депутатом от великорусских губерний был нижегородский архиепископ Сергей, прошедший благодаря соединению голосов прихожан с кадетами и старообрядцами. В Киеве не удалось достичь блокового соглашения между русскими националистами во главе с В.В. Шульгиным и кадетами – в результате и те и другие не получили ни одного из 22 мандатов.

Разумеется, для русского избирателя вопрос о национальной идентичности остро не стоял. Иное дело – для других народов России. Для них самоопределение становилось первичным условием решения прочих проблем. Выборы наглядно показали двойственность, дихотомичность национального сознания, содержащего в себе некое интегрирующее начало, выраженное понятиями «мы»-«они», «свой»-«чужие». Голосование за «своих» было свойственно всем малым народам.

Исследователи национального вопроса отвергают мнение, будто с победой Февральской революции в стране вспыхнули сепаратистские тенденции³. Скорее наоборот, свержение имперского самодержавия создало предпосылки для реализации идеи национального самоопределения, и Временное правительство было поддержано поначалу всеми национальными партиями. «Считалось, что все зло, приведшее к классовой и национальной вражде, исходит от царизма, – пишет американский историк Р. Суни, – а введение соответствующего законодательства, ориентированного на западные либеральные законы, устранил препятствия на пути решения этих проблем»⁴. Отмена национальных и вероисповедных ограничений, созыв УС с перспективой принятия общеприемлемой многонациональной государственной модели оживили национальные движения, но они, включая Польшу и Финляндию, не выходили за рамки автономизма.

С изменением политической ситуации, с отсрочкой ВУС национальное нетерпение нарастало, переходя в федералистские и сепаратистские требования. Этническим лиде-

² См.: Оболенская С.В. Немцы в глазах русских XIX в.: Черты общественной психологии // Вопросы истории. 1997. № 12. С. 103.

³ См.: Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 140; Исаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М., 2004. С. 505-509.

⁴ Суни Р. Национализм и демократизация в русской революции 1917 г. // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 283.

рам становилось все яснее, что добиться своих прав им легче путем самозахвата, чем через ВУС, где их позиции во всех отношениях будут слабее.

Оживление местного национализма было связано и с настойчивым поиском путей сдерживания революции или, проще, противодействия анархии, нараставшему экономическому и социальному хаосу. С особой силой этот механизм заработал после Октября. Хотя Совнарком формально провозгласил равенство, суверенность и даже право наций на самоопределение, дела большевиков говорили о другом. А их мессианизм побуждал подозревать стремление к всемирной революционной империи. Это беспокоило обретавшие себя национальные элиты, угрожая их положению и, как оказалось, самому существованию.

Исподволь разгорался конфликт Временного правительства с Украинской Центральной Радой. Уже летом обстановка накалилась, и, по свидетельству очевидца, «поднималась грозовая туча украинского сепаратизма»⁵. Цифры красноречивы: по Украине в целом украинские национальные списки, партийные и беспартийные, собрали около 60% голосов, в т.ч. в Киевской губернии – 76,9%, на Волыни – 70%, в Подолии – 77,6%, заметно понижаясь на Левобережье. По моим наблюдениям, из 131 мандата от украинских губерний 86 получили украинские социалисты, в том числе 76 украинских эсеров и 10 украинских социал-демократов. Кроме того, от фронтовых округов были избраны 9 украинских эсеров и социал-демократов. Лидерами первых были М.С. Грушевский, В.А. Голубович, Н.Н. Ковалевский, лидерами вторых – В.К. Винниченко, Н.В. Порш, С.В. Петлюра.

Всего же примерно 110 депутатов-украинцев были избраны от Украины, что составляло до 80% всех депутатов украинской национальности. Остальные украинцы прошли от общероссийских партий: большевики В.А. Антонов-Овсеенко, Н.И. Подвойский, Г.И. Петровский, П.Е. Дыбенко, Н.В. Крыленко, эсеры Е.К. Брешко-Брешковская, К.С. Буревой, Ф.М. Онепко и др. И у большевиков, и у эсеров украинцы составляли 9-10% членов фракций.

В свете современных межэтнических коллизий вокруг Крыма уместно отметить, что по списку украинских эсеров и селян-хлеборобов от Таврической губернии в ВУС прошел только Н.В. Салтан, тогда как по списку общероссийской ПСР были избраны украинцы В.Т. Бакута и П.Н. Бондарь. Украинцами были выставлены непартийные списки в Поволжье, на Северном Кавказе, в Приамурье, но успеха они не имели.

В самом ВУС за украинцев (судя по документам, в Петроград съехались 24 депутата от Екатеринославской, Харьковской, Херсонской и Полтавской губерний⁶) развернулась борьба между эсерами, возлагавшими на них надежды в создании антибольшевистской коалиции, и большевиками, которые старались расположить их в свою пользу через посредство левых эсеров. Уже в Петрограде украинские депутаты получили жесткую установку из Киева: при открытии ВУС огласить декларацию о том, что оно должно ограничиться провозглашением принципиальных основ государственного и социального устройства России как федеративной республики, после чего покинуть его⁷. Все остальные вопросы должно было решить Украинское Учредительное собрание, выборы которого были назначены на январь. С позиции невмешательства в российские дела А.С. Северов-Одоевский, И.В. Михайличенко, А.И. Стрельцов требовали гарантий для автономии Украины. От участия в голосованиях украинцы воздерживались.

Многолюдной и многосоставной группой были мусульмане. Изучение мусульманского феномена 1917 г. представляет особую сложность. Неизвестна общая численность мусульман в России, которая, по разным оценкам, насчитывала от 20 до 30 млн. Необходимо также считаться с двухмерностью термина «мусульмане», который охватывает, во-первых, всех приверженцев ислама, независимо от их национальности, во-вторых, все народы, исповедующие ислам. Однако не будет посприем историзма, если применять понятие «мусульмане» к поволжским и крымским татарам, башкирам, исламизированным народам Кавказа и Туркестана.

В пользу такого толкования говорит и современное представление о мусульманстве как некоем этноконфессиональном и социокультурном единстве, несмотря на различия в языке и быте разных народов. Некоторыми мусульманскими идеологами разработана

⁵ Гольденвейзер А.А. Из киевских воспоминаний // Архив русской революции. Т. 6. М., 1991. С. 174.

⁶ См.: ГАРФ. Ф. 1781. Оп. 1. Д. 50.

⁷ Петроградский голос. 1918. 4 января.

теория миллятизма – единой мусульманской нации, согласно которой ислам – это не только вероучение, но и свод законов, регламентирующих поведение его приверженцев, почти все бытовые явления. Соответственно, панисламизм предстает не как политический сепаратизм, а как религиозно-духовная общность.

По уточненным данным, мусульмане выдвинули 48 самостоятельных или блоковых кандидатских списков в 29 избирательных округах. Всего по этим спискам в Учредительное собрание прошли 62 депутата⁸. Территориально они распределены так: Волго-Уральский регион – 21, Средняя Азия – 14, Казахстан и Кавказ – по 13, Крым – 1. В этническом отношении это были 17 казахов, 11 азербайджанцев, по 10 татар и башкир, 8 узбеков, по 2 лезгина и осетина, 1 курд, 1 кара-калпак. Мусульманское представительство заметно выросло бы при завершении выборов в Средней Азии, на Северном Кавказе и в Степном округе, на обширных пространствах Акмолинской и Семипалатинской областей.

Подавляющее большинство мусульман – деятели национальной интеллигенции: юристы, врачи, инженеры, журналисты и т.д. Более половины их обучалось в российских и зарубежных университетах; по уровню образования мусульмане превосходили все фракции, кроме кадетов. Это обстоятельство представляется знаковым. Мусульмане идентифицировали себя не через политику, а через культуру, прежде всего. Степень консолидации у них была выше, чем у других конфессий и этносов, она была во многом подготовлена культурно-просветительной деятельностью джадидизма. После Февральской революции складывался своеобразный союз всех демократических элементов в мусульманском движении – от либералов до эсеров, готовых принять любую государственную власть, пока она не вторгается в сферу шариата. Многие представители мусульманской элиты вошли в состав местных органов Временного правительства, стали губернскими и областными комиссарами.

До 1917 г. часть мусульманских деятелей участвовала в общероссийских партиях или тесно с ними сотрудничала. Кадетами были азербайджанцы А. Топчибашев, С. Максудов, казахи А. Беремжанов, М. Тынышпаев, узбек М. Бехбуди. Близки к эсерам были башкир Ш. Мухамедьяров, казах М. Чокаев, татары Ф. Туктаров, Н. Халфин, якут Г.В. Ксенофонтов. Как социал-демократы меньшевистского толка могут идентифицироваться лезгин И. Гайдаров, осетин А. Цаликов, башкиры Ш. Манатов и Ф. Тухватуллин, татарин Г. Терегулов. К левым партиям тянулись и другие «инородцы». С эсерами давно были связаны буряты М. Богданов, Б. Вампилун, калмык С. Баянов.

Тем не менее, восточные интеллектуалы обычно не входили в структуры российских партий, не сковывали себя уздой дисциплины. Все политические доктрины своего времени так или иначе пропускались ими через мировосприятие мусульманства, буддизма etc. Характеризуя деятельность татарских эсеров, Д.М. Усманова справедливо замечает: «Позднее их увлечения социальными проблемами и социалистическими учениями пройдут, и взгляды трансформируются в пользу признания и активной защиты идеи национального (мусульманского) единства»⁹.

Однако Д.М. Усманова ошибается, полагая, что большая часть мусульманских депутатов прошла по спискам социалистических партий, а не по общемусульманским¹⁰. По социалистическим спискам прошли только 12 мусульман, еще 9 были избраны по общемусульманским спискам в округах, где социалисты не выдвинули свои списки. Вместе взятые, социалисты составляли около трети мусульман-депутатов. С другой стороны, лишь двое (Н-Х. Тюрязев и К. Ходжаев) прошли по списку ортодоксов-исламистов Ферганской области.

Такое персонифицированное изучение вопроса подтверждает, что социалистические идеи не играли в мусульманском мире мобилизующей роли¹¹. В Туркестане вообще не было почвы для них, коренное население могли привлечь только лозунги национально-религиозного содержания либо жизненного, практического значения (для казахов, например, у которых религиозный фактор проявлялся заметно слабее, это был вопрос о земле).

⁸ Д.М. Усманова указывает 37 мусульман, ничем не подкрепляя свои подсчеты. См.: Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906-1916. Казань, 2005. С. 315.

⁹ Усманова Д.М. Указ. соч. С. 226.

¹⁰ См.: Там же. С. 315.

¹¹ Исхаков С.М. Общероссийская партия мусульман // История национальных политических партий России. М., 1997. С. 214.

Всеказахский съезд в Оренбурге в июле 1917 г. наметил кандидатов в Учредительное собрание, установив при этом, что в каждой области из казахов не может быть больше одного кандидата списка¹². Реально добиться этого не удалось, но партия Алаш смогла стать объединяющей политической и национальной силой, проведя 43 депутата. Социалистические же партии не пользовались успехом. Выразительный штрих: в партии Уш-жуз (с центром в Омске) из 14 кандидатов 6 человек ко времени выборов покинули ее¹³.

1 января 1918 г. в Петроград съехались 7 мусульман-депутатов и создали мусульманскую социалистическую фракцию (А. Цаликов, Г. Ильясов, А. Мухаметдинов, Ш. Сунчалаяев, Ш. Мухамедьяров, Ф. Туктаров, С. Салехов¹⁴). К ним 6-7 января присоединились Ш. Манатов, М. Вахитов, Г. Ибрагимов, М. Ахмеров. Это была надпартийная фракция, объединившая социалистов разного толка.

Совершенно очевидно, что российские мусульмане – это особый мир, который в 1917 г. едва приоткрылся российским политикам. Напрашивается вывод, что обычная политическая шкала к нему мало применима, что социалистичность или либеральность мусульманских деятелей были, скорее, формой взаимодействия с определенными сегментами общероссийского политического мира, а не мировоззренческой системой. В условиях революции мусульмане предпочитали опираться на традиционные идеалы. Не одарив ВУС ни одним большевиком, они на деле отвергли экстремизм.

Мусульмане дали целую плеяду выдающихся деятелей новой эпохи. Правда, их политические биографии создают особое впечатление тонкой интриги, изменчивого поведения. В советской историографии этот вопрос обычно исчерпывался оценкой-приговором типа «буржуазные националисты», «мелкобуржуазные демократы». Рискну утверждать, однако, что и политическое непостоянство, и очевидные элементы авантюристности и даже интриганства (для профессионального политика это даже комплимент) в их поведении имели объективную основу. Она заключалась, с одной стороны, в невозможности молодых национальных элит порознь добиться реализации своих целей, с другой – в противоречивости устремлений этих элит. Но главное было в том, что они оказались заложниками катастрофических ситуаций, в которых им была отведена роль аутсайдеров, разменного материала, особенно в период Гражданской войны, катком прокатившейся по их территориям. Национальным лидерам приходилось проявлять максимум гибкости и изворотливости, чтобы сохранить, насколько было возможно, государственный статус своих народов. Стать же самостоятельной силой они не были готовы ни объективно, ни субъективно, несмотря на объединительные попытки С. Максудова, М. Чокаева, А. Цаликова и ряда других лидеров.

На фоне пропорционального русско-украинско-мусульманского представительства удельный вес еврейства смотрится артефактом. Евреи превышали 10% общего числа депутатов ВУС, хотя в структуре населения России составляли лишь 3,3%¹⁵.

Летом 1917 г. Всероссийский сионистский съезд в Петрограде постановил всюду выставить национально-еврейские списки и лишь в исключительных случаях блокироваться с партиями не правее народных социалистов. С целью этнической консолидации еврейства был образован Еврейский национальный избирательный комитет, включивший сионистов и религиозные еврейские партии. Ему противостояли еврейские социалистические партии Бунд, Поалей-Цион, Объединенная еврейская социалистическая рабочая партия. Всего по стране еврейские списки, партийные и непартийные, собрали 659 тыс. голосов¹⁶, что позволило провести 6 или 7 депутатов (судьба одного мандата от Бессарабии не выяснена). Все они прошли от Еврейского национального комитета, и все были избраны в Черте оседлости, где тогда проживало 94% российских евреев¹⁷. В цветах российского политического спектра они позиционировались как либералы, близкие к ка-

¹² См.: Алаш-орда. Алма-Ата, 1992. С. 50-51.

¹³ Там же. С. 116.

¹⁴ Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция... С. 445.

¹⁵ См.: Новейшая история Отечества. XX век. Учебник для вузов. Т. 1. М., 1998. С. 10.

¹⁶ В это число не входят голоса, поданные за Бунд в общих с меньшевиками списках. О.В. Будницкий указывает только 498 тыс. голосов за Национальный блок. См.: Российские евреи между красными и белыми (1917-1920). М., 2006. С. 75.

¹⁷ Смирнова М.И. Национальные политические партии России социал-демократического направления (конец XIX – начало XX в.) // Национальные политические партии России. С. 138.

детам. На долю же еврейских социалистов досталось лишь 100 тыс. голосов, расплывенных между двумя десятками кандидатских списков.

Депутатами от еврейской диаспоры стали адвокаты О.О. Грузенберг, Н.М. Фридман, историк Ю.Д. Бруцкус, московский раввин Я.И. Мазе, глава киевской еврейской общины Н.С. Сыркин.

Но вдесятеро больше (свыше 70) евреев избралось в ВУС от нееврейских партий. Входя в их руководство, они связывали свои интересы с определенными социальными слоями российского общества, но не со специфическими интересами еврейской общины, которые, как справедливо замечает О.В. Будницкий, большинству жителей России были неизвестны или малоинтересны¹⁸. Почти все еврей-депутаты были социалистами, взяв фактический реванш за поражение в бывшей Черте оседлости. Этим успехом они обязаны своему влиянию в соцпартиях, где их удельный вес был велик.

В Закавказье, населенном народами, различавшимися языком, религией, культурой, в ходе революции шло интенсивное национальное размежевание. Это иллюстрируется составом депутатов, избранных от Закавказского округа: 11 азербайджанских мусаватов, 10 грузинских меньшевиков, 9 армянских дашнаков. То, что во главе процессов национального самоопределения стояли партии, столь несхожие по идейным позициям, подчеркивает, что политический фактор в ходе выборов был вторичным. По сути, это было голосование не за либеральные или социалистические партии и не против них, поскольку данные партии выступали и воспринимались именно как выразители национальной общности и государственности. Вместе с тем автономистские устремления здесь в 1917 г. были робкими – политики региона не могли не понимать, что означает в условиях соседства Турции и Персии «автономистский вирус»¹⁹. Осудив октябрьский переворот как угрозу демократии и национальному суверенитету, они образовали в ноябре Закавказский комиссариат как коалиционное многонациональное правительство. Все депутаты ВУС от региона автоматически вошли в состав Закавказского сейма.

Выборы иллюстрируют асинхронность развития народов России, пребывавших на разных стадиях модернизации, соответственно, на разных уровнях национальной консолидированности. Хотя в польских губерниях выборы не предполагались, этнические поляки активно участвовали в голосовании, проведя в Волынской и Подольской губерниях Я.И. Липковского и И.И. Бартошевича. В Эстляндии все 8 депутатов были эстонцами, и даже большевики провели своих депутатов под флагом Эстляндского областного комитета партии. Иную картину явила Белоруссия, в которой национальные списки суммарно набрали менее 10 тыс. голосов из трех с лишним миллионов.

Налицо корреляция между этническим и партийным депутатским составом. Самой «интернациональной» была, разумеется, большевистская фракция. В ней русские составляли 51%, евреи – 18%, украинцы – 9% и т.д. Состав эсеров (правых, центра и левых) был более «русским»: великороссы – 67%, евреи – 10%, украинцы – 9,5%, белорусы – 4%. Однако учтем, что от ПСР в 1917 г. отпочковались национальные эсеры. Другие фракции по их малочисленности не представляют интереса в этническом отношении, за исключением меньшевиков, у которых состав делился поровну между русскими и грузинами.

С другой стороны, представляет интерес этническое «тяготение» к партиям. Среди русских по рождению депутатов 241 были эсерами (65%), 92 большевика (25%), 18 кадетов (5%); среди украинцев – 85 украинских социалистов (62%), 36 эсеров (26%), 17 большевиков (12%); среди евреев были 35 эсеров (42%), 33 большевика (41%), 2 кадета (2,5%), 12 – от национальных (не обязательно еврейских) партий и списков (14,5%).

Заседание 5 января показало остроту, которую обрел к началу 1918 г. национальный вопрос. Все национальные фракции выступили с декларациями: эстонец Ю.Ю. Сельяма, латыш Я.Ю. Гольдманис, еврейский социалист Д.В. Львович-Давидович, украинец А.С. Северов-Одоевский. С позиции невмешательства в российские дела они требовали прекращения гражданской войны и гарантий для своих автономий.

Учредительное собрание в ночь на 6 января 1918 г. провозгласило Россию демократической федеративной республикой. Но, как и другие, этот акт безнадежно запоздал. Приход к власти большевиков резко усилил сепаратизм национальных лидеров, поспе-

¹⁸ Будницкий О.В. Указ. соч. С. 77.

¹⁹ См.: Афанасьев И.Л. Проблема двоевластия и национальные движения на Украине и в Закавказье // Анатомия революции... С. 330.

шивших отделиться от «Совдепии». 11 января Центральная рада объявила об отделении Украины от России. Местные правительства появились в Крыму, на Кубани, Тереке, в Бессарабии, Туркестане, в Сибири. Страна разваливалась на части.

Развитие революции в полиэтничной стране привело к столкновению националистического и правового начала, к фактическому распаду ее на отдельные государства и территории. Победа большевизма в Гражданской войне над поборниками единой и неделимой России создала лишь иллюзию разрешения национальной проблемы, прикрыв старую имперскую суть новыми идеологическими и политическими одеждами.

DEPUTIES OF THE ALL-RUSSIA CONSTITUENT ASSEMBLY: ETHNO-NATIONAL ASPECT

L.G. PROTASOV

*Tambov's State University
of G.R. Derzhavin*

e-mail: lev_pro@mail.ru

The article reveals the ethnic composition of the Constituent Assembly detailing the «political geography» map of 1917 Russia. The deputies were of more than 30 nationalities. The elections showed the dichotomy of national consciousness and exposed that the nationalities of Russia developed at different speeds and were consolidated unequally. Revolution in the polyethnic state led to a conflict between nationhood and legitimacy; as a result the country dissolved.

Key words: Constituent Assembly, deputies, elections, national consciousness, revolution, polyethnic state